

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Книги Галины Ли
в серии
МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

ЭНДАНА

Дилогия
«СВОЯ ДОРОГА»

**СВОЯ ДОРОГА
ПРИЗРАЧНЫЕ ДОРОГИ**

Галина ЛИ

ПРИЗРАЧНЫЕ ДОРОГИ

Роман

Москва, 2013
САРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Л55

Серия основана в 2004 году
Выпуск 461

Художник
В. Федоров

Ли Г. В.
Л55 Призрачные дороги: Фантастический роман. — М.:
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013. — 439 с.: ил. —
(Магия фэнтези).

ISBN 978-5-9922-1403-1

Ты бывший охотник за головами, но сам оказался в шкуре добычи. И остается только, оскалившись, приготовиться к бою. Выход один — уничтожить загонщиков, пока они не добрались до тебя и тех, кто тебе дорог. Шансов на спасение мало, хотя в будущее ведет одна дорога. Сумеешь ли ты отыскать нужную среди множества призрачных обманок? И сделав выбор — остаться самим собой?

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1403-1

© Ли Г. В., 2013
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013

*Большое спасибо моим друзьям — писателям
Диане Удовиченко и Софье Непейвода за помощь и
дружескую поддержку*

ПРОЛОГ

— Эли, смотри!

Хрупкая темноволосая девушка резко вскинула руки, буквально в один момент обросшие перьями. Приподнялась на цыпочках, прогнулась, выставив вперед маленькую грудь, и замерла на самом краю высокой башни.

— Правда, я похожа на Юссу? Ту, что на главной фреске в храме!

— Иска, сейчас свалишься, и тебе снова влетит за рваное платье, — ворчливо ответил худенький парнишка с волосами цвета меди, неожиданно для рыжего темноглазый и чернобровый. Его сердитый тон никак не вязался с восхищенным взглядом, которым юноша одарил подружку.

Девушка рассмеялась, взмахнула крыльями и, словно опытная танцовщица, сделала поворот на одной ноге. Юбка, на мгновение став похожей на большой колокол, приподнялась и оголила узкие лодыжки, открыла ноги почти до бедер.

Парень смущенно отвел глаза. Если Иска танцевала или просто сидела рядом, если он чувствовал тепло ее тела, у Эли сердце замирало в груди, а язык приклеивался к небу. Юноша отлично помнил, когда все началось. Он улетел порыбачить к большому порогу Ширы, к тому, что сразу за водопадом, и, увлекшись, не заметил, как огненная Хегази проскочила середине небосвода. Зато форели наловил столько, что решил поделиться с подругой. И когда постучал в дверь ее башни, навстречу выскочила девушка в белом нарядном платье. Темное облако распущенных волос казалось слишком тяжелым для тонкой шеи, смуглые щеки горели румянцем, яркие губы приоткрылись, словно для поцелуя, а карие глаза сияли ярче любой звезды.

Эли замер от встречи с таким чудом, удилище и торба с добычей выпали из разжавшихся рук.

А девушка, весело рассмеявшись, взмахнула длинными ресницами:

— Эли Ни! Ну где же ты был?! Что я сейчас расскажу...

Голос вернул парня на землю: красавица оказалась подружкой, с которой он вместе провел много зим. Вот только теперь простой взгляд на нее вызывал щемящую боль в груди.

Парень снова вздохнул. Тот день принес Эли самое большое счастье и самое большое горе за всю его короткую жизнь.

— Я стану верховной жрицей! — закричала тогда сияющая от восторга Иска. — Я стану главной служительницей Юссы!

Он, дуралей, тоже обрадовался. И только позже, когда разобрался в своих чувствах, дошло... Не надеть ему никогда на шею Иски венки из белых неразлучников. И в свой дом ее тоже никогда не привести. И ...

Парень, прищурившись, зло мотнул головой — глазам стало больно, словно в них попал песок.

— Эли... — Иска уже сидела напротив и заглядывала ему в лицо, — ну ты чего?

Девушка, капризная, надула губки в притворной обиде.

— Не нравится, как я танцую?

Юноша глубоко вдохнул, набирая побольше воздуха, сжал кулаки и наконец решился спросить:

— Иска, ты действительно хочешь стать верховной жрицей?

В ответ получил звонкий смех.

— Конечно! Это великая честь. Во мне живет частица души Юссы! Я ведь правда похожа на нее?

Эли мрачно кивнул и уставился на свои руки: Иска без всяких фресок была для него красивее любой богини.

— Тогда почему же ты хмуришься? — тихо прошептала красавица, словно боялась услышать ответ. А Эли продолжал молчать и смотреть мимо нее на серые башни деревни, на крутые горные склоны, то и дело прячущиеся в тумане облаков.

Не дождавшись ответа, девушка обиженно поджала губы и хотела уже встать, как ее руку схватили сильные пальцы.

— Иска, подожди. Сядь, пожалуйста... Закрой глаза.

Она послушалась и замерла, неизвестно отчего покраснев. А Эли крепко сжал ладонями лицо подружки, наклонился и

поцеловал. Сначала неуверенно, неумело, едва касаясь, а затем решительно впился в послушный мягкий рот.

Когда наконец оторвался, то спросил:

— И сейчас еще хочешь?

Иска, опомнившись, вспыхнула, уперлась локтем в грудь юноши, попробовала отстраниться:

— Кто тебе разрешал?! Как ты посмел? Дурак такой... Пусты, я сказала!

А он не послушался, не отпустил, только встряхнул подружку и спросил с нажимом:

— Ну, отвечай! Скажи, хочешь?! Все еще хочешь?!

Наверное, в приступе злости Эли причинил девушке боль, потому что она внезапно обмякла и заплакала.

Он тут же опомнился, уронил вдоль тела такие сильные и такие бесполезные руки, собираясь сказать «прости», но вдруг услышал:

— Не хочу...

У Эли перехватило дыхание — не хочет, не хочет! Значит...

Он стиснул плечи подружки, зарылся лицом в густые волосы и прошептал:

— Давай убежим! Сейчас! Улетим! Туда, где нас не найдут!

Иска перестала всхлипывать, отстранилась и жалко улыбнулась:

— Не могу. Ты же знаешь. Я не могу!

Да, Эли знал. Стать великой жрицей — самая большая честь, которой может удостоиться девушка и ее семья! Преемницу выбирает сама пророчица. Она чувствует божественную искру за много перелетов пути. Этот огонь пробуждается в тот момент, когда жрица уже на пороге смерти. И отказаться от предначертанного никто не в праве. Без великой жрицы нет будущего у крылатых. Без нее нет судьбы у сирин, потому что только жрицам дано око богини, способное смотреть вперед на много-много веков! Если бы не они, детей Сирина больше бы не существовало на свете.

Вот только почему богиня выбрала именно его Иску?! Несправедливо!

— Несправедливо! — повторил юноша последнюю мысль.

Иска лишь всхлипнула в ответ. Еще вчера она радовалась и гордилась выпавшей на ее долю честью. Наслаждалась всеобщим вниманием и почтением. Девушка даже стала вести себя

степеннее. Перестала бегать и больше не кувыркалась в воздухе, играя с западным ветром — Балде.

Шею Иски украсило ожерелье Небесной птицы: на вчерашнюю соплюху стали смотреть, как на богиню. Теперь, куда бы ни направлялась Иска, по земле, воздуху или мостам, везде ее провожали поклоны и перешептывание сородичей. Только для Эли она осталась прежней.

— Иска! — Госкливый шепот, словно падевый мед, наполнил горечью мысли девушки. — Давай улетим!

Она отчаянно замотала головой:

— Нет, нет! Не проси! — Отвернулась, прикусив губу и беззвучно глотая слезы.

Эли как ледяной меч в сердце вогнали. Не зная, что делать, не желая глядеть на оцепеневшую фигурку, юноша потянул завязки шерстяной туники. Через мгновение с башни слетела огромная птица. Рванулась навстречу весеннему солнцу, затерялась в низких облаках.

— Эли! — дернулась следом за другом девушка, но тут же запнулась на месте. Медленно наклонилась, подхватила брошенную тунику, прижала к щеке. — Эли...

Юноша долго бесцельно парил над селением. Рвался улететь и не мог. Кружил над домом Иски как жук, которого привязали невидимой ниткой и заставили летать на потеху толпе.

Ближе к вечеру ключьями напоззли с севера рваные облака, а за ними сизой стеной подтянулись плотные тучи. Эли не успел прийти в себя, как перья взъерошил Ррельде¹, вечный пастух непогоды. Он закрутил сири в воздушном вихре, ударил в крылья, потянул навстречу слепящим молниям.

Злость и ярость, терзавшие душу Эли, наконец-то нашли выход, и юноша устремился в самое сердце бури. Он не знал, чего хочет больше: убить или умереть! Рухнуть прямо на острые скалы.

Небо на мгновение стало мертвенно-белым, как глаза Ансуре², превратив Эли в беспомощного слепца, а затем зарокотало и с ужасающим грохотом раскололось. Окаатило потоком ледяной воды. Тело сразу потяжелело, словно на Эли нагрузили камни. Это привело юношу в чувство, он мысленно выругался — нет чести погибнуть по глупости! — и решительно по-

¹ Ррельде — северный ветер, бог.

² Ансуре — демон, попытавшийся свергнуть богов.

вернул назад. А Ррельде вдогонку «пинка» отвесил: дунул с такой силой, что Эли чуть не перевернуло в воздухе. Выругавшись еще раз, юноша устремился вниз, к тонким силуэтам башен деревни, и сам не понял, как оказался у дома Иски. Сначала просто хотел облететь, но не выдержал: зацепился когтями за край оконного проема, требовательно стукнул клювом по стеклу. Окно тут же распахнулось: кажется, Эли ждали. Иска сидела к нему спиной. Рядом стояла корзина с рукоделием.

Девушка не повернула головы, только плечи дрогнули, когда Эли мягко спрыгнул с подоконника. Юноша преобразился в человека, облачившись в иллюзорный плащ, но подойти не решился. Остался стоять на месте. Эли не знал, что делать. Все важное он уже сказал там, на башне. И ответ тоже получил. Но уйти сил не было. Разве только прогонят.

— Вон твоя туника! — Иска, не оборачиваясь, ткнула пальцем куда-то вбок.

Парень со свистом втянул воздух: уж больно не к месту показались ее слова. Чужие, холодные.

Ну а чего он ждал?! Иска уже сделала выбор. И в нем не осталось места для Эли.

Не говоря ни слова, повернулся, шагнул к окну, но оно с силой захлопнулось прямо перед самым носом. Плечи обхватили горячие руки.

— Не уходи! — Отчаянный шепот Иски жаркой волной прокатился по телу Эли от макушки до кончиков пальцев. Он развернулся, сжал девушку в объятиях, покрыл лицо поцелуями, увлек за собой на ковер. Руки без разрешения хозяина самовольно потянули завязки ворота на платье, оголяя такое нежное и такое желанное тело. И только судорожный вздох вернул парня на землю, заставил замереть, пристально вглядеться в лицо Иски.

Та, поняв, что последнее слово за нею, вздрогнула, помедлила немного, а затем притянула юношу к себе:

— Поклянись, что ты меня не оставишь! Никогда не бросишь!

— Клянусь! — прохрипел Эли и провалился в жаркий омут. Потерялся, запутался в собственной страсти. Нет, юноша не забыл, что общего завтра у них с Иской не будет, что в их распоряжении только одна ночь. И от этого было еще сложнее: отчаяние мешалось со страстью, заставляло терзать нежный рот, с силой мять девичье тело, словно это могло

удержать Иску рядом. Была бы возможность, юноша вплавился бы в Иску, заклеил знаком «моя», чтобы никто не смел... Чтобы она не смела отказываться от Эли даже ради судьбы провидицы!

Иска покорно гнулась в руках, глаза туманились тем же отчаянием, что у Эли. Позже, стиснув плачущую подружку в объятиях, он вновь попросил:

— Давай улетим!

Попросил, зная, что согласия не получит. Та лишь мотнула головой.

И юноше пришлось уйти. Когда Нета, утренняя звезда, заглянула в окно, Иска хрипло выдохнула:

— Тебе пора!

Эли послушно поднялся. В последний раз обнял девушку, осторожно поцеловал в распухшие искусанные губы и кинулся вон, преобразившись уже в падении. Дома его ждала встревоженная мать. Эли глянул на нее раненым зверем и без объяснений нырнул в свою комнату.

Когда Хегази добралась до середины небосвода, у башни старейшины опустили воины и жрецы из свиты будущей верховной жрицы. Провожать Иску вышла вся деревня. Каждый хотел получить благословение той, в ком горела искра души богини. Пусть даже еще не пробужденной души. Девушка выглядела серьезной и тихой. В ответ на пожелания улыбалась несмело, не глядя жала протянутые руки, легко касалась склоненных голов, делаясь милостью Юссы.

Эли не встал в очередь за благословением. Он не выдержал бы такого испытания.

Иска тоже не искала взгляда возлюбленного. Она отгородилась от всего мира и только иногда зябко ежилась: сотканное из магии платье хорошо защищало от нескромных взглядов, но совсем не грело. Как и грядущее величие.

А перед тем как Иска преобразилась в птицу, в ушах юноши раздался отчаянный шепот, предназначенный только ему:

— Не бросай меня, Эли Ни! Ты поклялся!

Он толкнулся было вслед за подругой, но передумал, метнулся к дому, выгреб из заветной кубышки то, что откладывал на собственное хозяйство, на свое гнездо, ссыпал монетки в кошелек и надежно привязал его к щиколотке. Обратившись, Эли еще раз проверил крепость ремней, схватил в когти одежду и вылетел из дома. Даже оглядываться не стал.

Охрана с Иской летели неспешно, часто останавливаясь в маленьких селах передохнуть и показать детям Сирина будущую жрицу. После посвящения ее уже не выпустят из храма: слишком бесценна жизнь провидицы, слишком многое от нее зависит.

Эли решил, что нет смысла тащиться в хвосте у свиты. Лучше прилететь пораньше в Гилу, чтобы узнать, где поселят Иску и что ей готовят. Сумасшествие последнего дня уже покинуло юношу, теперь он больше всего боялся совершить ошибку.

Улучив момент, Эли отправил Иске послание, недоступное для чужих ушей: «Я рядом». Она услышала, вздрогнула, но оглядываться не стала. Юноша сразу же ушел: побоялся, что маги из свиты почуют чужое колдовство — прятать магические следы Эли еще не умел, поэтому отбежал подальше, снова преобразился и взмыл в небо.

При других обстоятельствах юноша наслаждался бы полетом. Эли Ни любил проводить время в небе. Что может быть лучше безграничных просторов, яркого солнца и свободы? Чувствовать крыльями упругий воздух, видеть, как скачут по склонам в тревоге дикие козы. А самое главное — знать, что если пожелаешь, можешь облететь весь мир!

Эли часто мечтал об этом. Его манили далекие страны, чужие тайны, неизведанные места. Если бы только в небе можно было еще и спать... Увы, ночевать пришлось бы на земле, а там жили люди. Они жили повсюду! Как... как... овечьи вши! Опасные, жестокие и... омерзительные. Они равнинными шакалами сторожили беззащитных одиночек, чтобы разобрать по костям и сожрать! Сколько уже веков прошло, как сирина бросили свои земли, укрывшись за неприступными кручами, а все лезут, лезут охотники за костями! Не дают покоя сирина! Ну зачем, зачем людям бессмертие, если они свои куцые шесть десятков прожить достойно не могут?! Это из-за них в приграничье в небе парят постоянные дозоры! Это от них, пробуждая пророчиц, Юсса охраняет сирина! Это они, боулу¹, виноваты, что Иска отказывается улететь!

Эли яростно щелкнул клювом. Юноша нашел повинных в своем несчастье.

¹ Боулу — крысы, люди.

Столица Эли ошеломила. Он увидел ее неожиданно, когда за спиной осталась очередная гора. Гила показалась видением из сказки. Острые пики башен, связанных между собою легкими висячими мостами, крытыми галереями, которые будто парили в воздухе сами по себе. Здания были в несколько раз выше тех, что в деревне у Эли, и их пропитывала магия. Он видел плотную сетку заклинаний и кольца защитных узоров из рун, в несколько слоев опоясывающие башни.

Наверху огромными осиными гнездами мостились дома, «пористые» из-за множества окон, поблескивающих прозрачным стеклом. И если на окраинах здания отдаленно походили на те, что строили в деревне Эли, то к центру города башни становились все выше и тоньше, напоминая перевернутые цветки черных лилий. Казалось, они проросли из самих гор: Эли не нашел даже намека на отдельные камни.

Несколько таких зданий стали опорой для плоского «острова». Он был еще не достроен: в одном месте торчали огромные балки, на которые маги «наращивали» гранитный настил.

А у подножий башен, под мостами и галереями зеленела трава, паслись стада мохнатых круторогих яков и коз. Их сторожили крупные псы, черные с рыжими подпалинами, такие же лохматые, как яки. За высокими оградами под хрупкими на первый взгляд стеклянными куполами зрели южные фрукты. Немного ближе к скалам перекатывала камни строптивая горная река. Ее вода блестела серебряной лентой под солнечными лучами. Как бешеный жеребец неслась она в земли боуду через каньон Ансуре, срывалась с отвесных утесов водопадами, плевалась пеной на «бараньих» лбах порогов. Река, как верная служительница Юссы, охраняла сиринов от людей.

Кроме реки столицу защищали крутые склоны неприступных гор и крепкие стены. Каждый шаг по долине мог стать последним для нежеланных гостей: их подстерегали невидимые взгляду ловушки, рассчитанные на людей. Но лучше самых отважных псов дороги и тропы охраняли тонкие магические нити «сторожков». Эли тоже умел ставить такие. Они срабатывали на всех разумных, кроме сиринов, а еще — на нежить. Юноша не помнил, чтобы она забредала в Юндвари, но старики говорили, было время, когда не-мертвые лезли в страну с упорством одержимых.

Эли сделал еще один круг над городом, примеряясь, куда сесть. Увидел на одной из крыш плоскую площадку с рисунком жареной курицы и уверенно приземлился.

Сняв комнату, первым делом поговорил с трактирщиком. Узнал, что обряд проводят в храме, что присутствует при этом только жрица, охрана и знать, что новая служительница покажется горожанам только через пять дней после церемонии.

Такой расклад юношу не устроил. Он не мог оставить Иску одну на столько дней. Эли вообще не мог ее оставить на время обряда: от одной мысли об этом у парня холодело в груди. Он чувствовал... Нет! Был уверен — Иске грозит беда. С того самого дня, как девушка узнала о своем предназначении, Эли мучили по ночам кошмары. В них Иску уносило к Небесным вратам, куда открыта дорога лишь мертвым. И никакие рассуждения о том, что не было еще случая, чтобы избранная умерла, не помогали. Наступала ночь, и Иску снова тащило невидимым потоком к черной дыре, мерцающей незнакомыми звездами.

Поэтому Эли не стал даже дожидаться обеда. Расспросив, как выглядит храм Юссы, торопливо буркнул трактирщику «спасибо» и удрал. Нужную башню отыскал сразу: узнал по синему цвету — символу небесного царства и вечности. По открытой галерее для паломников с множеством столбов, с колышущимися на ветру разноцветными лентами и перьями — подношениями богине.

Внутри юноша залетать не стал, побоялся пропустить появление Иски. Зато хорошо изучил здание снаружи. Насколько позволили: стоило подлететь слишком близко к верхним этажам, как с торчащих иглами выступов слетела стража. Праздное любопытство у служителей богини оказалось не в чести. Эли не стал их дразнить своей настойчивостью, а поймав восходящий поток, взлетел повыше и принялся кружить. Юноша приготовился к долгому ожиданию. Правильнее было бы спуститься на землю, поесть, но он боялся проглядеть появление подруги. Да и кусок в горло не лез.

Но толку-то от дозора... Когда прилетела Иска, в небе началась полная неразбериха. Воздух потемнел от множества крыльев: горожане жаждали увидеть новую жрицу, чтобы вечером было что обсудить. И тогда юноша решился... Раз нельзя подбаться днем, значит, надо прокрасться ночью! Что бы ни слу-

чилося, Эли доберется до Иски. Если потребуется, поступит в охранники храма. Или даже — в жрецы!

На этой мысли парень вздохнул. Он не выделялся особыми способностями в магии. Отца с матерью это устраивало: мастеровитый старший сын был хорошим помощником. Вот только их планам не суждено было сбыться, как и мечтам самого Эли. Но это ничего... Он разберется. Как бы ни повернула судьба, а от своих слов Эли не откажется — он останется рядом с Иской, чего бы это ни стоило!

Весь вечер юноша провел в общем зале постоянного двора, слушая чужие разговоры. Говорили в тот день в основном о новой жрице и предстоящем ритуале. А еще — о грядущей войне с людьми. Мол, приходит время, когда сирий вернут себе потерянное и отомстят: почти в каждом доме был свой траурный угол, украшенный скорбным свитком с именами сгинувших по вине людей. Чаще всего это были подростки, у которых желание увидеть мир побеждало страх погибнуть, жители приграничья и те, кто сделал своим ремеслом игру со смертью.

Кружки пустели, голоса становились громче — сирий потрясали кулаками, вопрошая собутыльников и богов — сколько? Сколько еще крылатому народу терять своих детей? Злоба и гнев пропитывали воздух вместе с винными парами.

Эли сплетни о войне не волновали. Это казалось слишком далеким и неясным. Не касающимся его самого. О жрице же говорили много, но как-то впустую. Лишь один раз кто-то обронил, что обряд проводят ночью после того, как две сестры выкатят золотой и серебряный диски над горными пиками.

Немного подумав, Эли отправился в свою комнату. Напряжение последних четырех дней принесло свои плоды: юношу буквально шатало от усталости. Ему требовалось хоть немного поспать.

Неизвестно, чем закончится вылазка. Возможно, все-таки придется бежать.

Эли выглянул из окна: солнце уже село за горы, но еще было достаточно светло. Значит, трех мер на сон хватит с избытком.

Юноша быстро защелкал пальцами, вытянул воду из кувшина для умывания, прикрепил ее перевернутым конусом к потолку, дождался, когда первая капля послушно нырнет обратно в кувшин, и, не раздеваясь, лег поверх одеяла: когда от конуса ничего не останется, Эли проснется.

— Ты не невинна, — сказала пророчица.

Иска похолодела. Сердце забило то ли от страха, то ли от надежды, что укажут на дверь — «око» Юссы должна быть чиста телом и помыслами, ведь ее глазами богиня смотрит на син.

Но верховная жрица лишь поморщилась:

— Не вовремя.

Девушка, почувствовав, что не хватает воздуха, судорожно вздохнула и устала в пол. Глаза зашипало, красные маки на пушистом ковре тут же расплылись в пятна цвета крови. Слезы удержать не получилось, они крупным градом покатались по щекам. Иска поймала одну языком. Во рту стало солоно.

Верховная жрица ее пугала. Пугала цепким холодным взглядом, тем, что с тех пор как Иску привели в комнату, старуха хорошо, если десять слов сказала. Только сидела и смотрела, не отрываясь, словно пыталась забраться в самую душу Иски. А может, и забралась, раз проведала о сокровенном. О чем даже родная мать Иски не знала.

— Ты прилетела не одна. Мальчик с красными волосами, он тебя ищет, — после долгого молчания заговорила жрица. — Он хочет забраться в наш храм. Ты знаешь это?

Иска похолодела. О чем она думала, когда связала Эли клятвой? На что понадеялась?

Пересилив страх, запинаясь на каждом слове, Иска взмолилась:

— Н-не трогайте его! Это я... я попросила!

Но жрица не услышала, она снова смотрела куда-то за плечо Иски. Взгляд был пустой, словно женщина внезапно ослепла. Лишь один раз ее брови дрогнули в удивлении, а уголки морщинистых губ приподнялись в намеке на улыбку. Когда выражение лица вновь стало осмысленным, верховная жрица сказала:

— Ступай. Готовься. Обряд состоится сегодня ночью.

Иска послушно пошла к дверям, но у самого выхода набралась смелости и обернулась:

— Вы же отпустите Эли? Ведь отпустите? Он не сделал ничего дурного! Просто хотел меня защитить!

Жрица ответила не сразу. И не так, как ожидала Иска.

Женщина властно посмотрела на дверь, и та тотчас распахнулась. В комнату зашел высокий мужчина с колючим, внимательным взглядом. Иска уже знала, кто это такой. Начальник охраны.

— Сегодня ночью в храм попытается проникнуть рыжеволосый юноша по имени Эли. Задержите его, дайте посмотреть на обряд, а после его окончания проводите... к новой верховной жрице.

Стражник поклонился и вышел. Иска тоже, торопливо присев, выскользнула за дверь. Девушку отвели в отдельную комнату, где уже парила благовониями и горячей водой большая ванна. Иске помогли раздеться, долго терли ее тело шелковой сеткой, умащивали ароматными маслами, растирали голову мягкими полотенцами, осторожно разбирали и расчесывали спутавшиеся кудри.

Девушке было неуютно, она сжималась, чувствуя, что от смущения горят даже лопатки. Ей не нравились прикосновения чужих рук.

И все-таки голова будущей пророчицы была занята другим. Ей не давала покоя мысль о том, как отважна верховная жрица. Как недостижимо мудра и совершенна. Каких высот достигла ее душа. И что она, Иска, вряд ли когда-нибудь станет столь же достойной служительницей богини, раз сейчас дает волю страхам. А что значат нелепые опасения Иски перед таким ясным, хотя... нелегким, нежеланным будущим по сравнению с тем, что должна сейчас испытывать провидица? Ведь она точно знает, что сегодня умрет.

Мысль о смерти заставила девушку поежиться, и заботливые руки служанок немедленно прикрыли обнаженное тело тончайшей белой шалью, связанной из шерсти снежных коз. Кутаясь в невесомую пушистую паутину, Иска подумала, что, наверное, в отличие от остальных сиринов, пророчице открыто большее, и она точно знает, где окажется.

Иска, вздохнув, с тоской посмотрела в окно. Слова верховной жрицы заронили в сердце надежду о том, что, возможно, с Эли не придется расстаться. Ведь его велели привести к новой верховной жрице. Значит, решать судьбу Эли будет сама Иска! Ведь она станет тут самой главной! Или... нет?

Сомнения, сомнения не давали покоя. Иска никак не могла понять, как можно за одну ночь превратиться в мудрую всезнающую властительницу. Ту, кто определяет судьбу народа,

кто защищает его от беды и не дает демонам вырваться из бездны! Девушка казалась самой себе обманщицей, занявшей чужое место. Вдруг никакой *искры* нет?! И когда проведут обряд, все увидят, что Иска — ничего не стоящая самозванка! Занявшая, пусть и против своего желания, чужое место.

А вдруг Юсса рассердится за потерю невинности? Вдруг решит наказать?! Богиня ведь все может...

Пытаясь избавиться от пугающих мыслей, девушка крепко зажмурилась, а когда открыла глаза, увидела, что служанки держат на вытянутых руках тонкую белую сорочку и шерстяной плащ густого синего цвета. Цвета истины, вечности, веры, чистоты и души. Цвета бездонного неба, крыльев богини и... бус, которые подарил прошлой осенью Эли.

После того как Иску одели, ее усадили на стул и снова занялись волосами, хитро сплетая их в сложные косы. За окном давно стемнело, но девушка не видела звезд: комнату залили огни ярких светильников. Магический свет разогнал все тени, сделав ее светлее, чем днем.

Стены были украшены искусной росписью, но девушку она не радовала: чем ближе подходило время обряда, тем мурнее становилось на душе. И когда двери распахнулись, Иска готова была кричать от отчаяния. Но не стала. Раз милость богини пала на Иску, она не вправе отказываться. Кому, как не богине, знать, достойна девушка или нет? Если даже не достойна сейчас, она постарается, станет не хуже своей предшественницы! А может, даже лучше. Потому что рядом будет Эли. А он справится со всем, Иска это знает. Он обещал!

* * *

«Зимний» храм, обычно пустовавший полвесны и все лето, был непривычно полон для этого времени года. Посмотреть на обряд собрались все жрецы и главы самых уважаемых родов. Сириин тихо перешептывались в ожидании начала церемонии. Их лица выражали почтение и тревогу. На самом лучшем месте стояли члены триумвирата. Все они были потомками великих жриц.

Искусные мастера тщательно расписали потолок и стены: летела по голубым просторам к Небесной матери огнеперая Хегази. Маги постарались: сияние ее было столь велико, что светильников в зал не требовалось. Остальные боги пировали

за длинным столом. И лишь западная стена, там, где смыкались створками золотые двери, оставалась погруженной в расплывчатую дымку, похожую на предрассветный туман.

Объявляя начало обряда, где-то в глубине храма разнесся тонкий хрустальный звон. Его подхватила едва слышимая музыка, которую поддержали сначала нежные женские, а затем — сильные мужские голоса. Невидимый хор звал жрицу и юную девушку совершить предначертанное богиней.

Иска шла, едва передвигая ноги. От волнений и переживаний ее сильно трясло. В коридоре девушка даже споткнулась. Хорошо, начальник охраны успел подхватить ее под локоть. И больше уже не отпускал: нельзя допустить дурной знак. У входа в зал воина сменили два жреца. Они провели Иску к золотым воротам. Пока она шла, сирийцы склоняли головы в почтительном поклоне, но это не мешало им пристально разглядывать избранную. Иска знала, что они ищут — отражение божественности, невидимый знак, что выделял бы ее из толпы ровесниц. Но его не было! Его не было... Его никто не видел, кроме Айелет — верховной жрицы. Зато ее взгляда хватало разглядеть огонь через несколько перелетов.

Музыка смолкла, и, повинаясь приказу, Иска замерла. Дымка, скрывавшая стену, заволновалась: из нее неожиданно вышла провидица. В точно таких же плаще и рубахе, как Иска. Единственное, что рознило их наряды — на груди у жрицы на крепком ремешке висел футлярчик из темного дерева — самая большая святыня народа сирийцев, а руку Иска в несколько рядов обвивали синие бусы.

Футляр хранил перст самой Юссы.

Каждый камушек бус помнил тепло ловких пальцев сирийки по имени Эли.

Жрица властно протянула руку Иске. Она, волнуясь, преодолела последние шаги и вложила свою ладонь в холодную старческую руку. Стоило это сделать, как дверные створки стали медленно открываться.

Иске на мгновение показалось, что из расширяющейся щели за нею подглядывает нечто ужасное. Девушка даже чуть не шагнула назад, но жрица мягко улыбнулась, ободряя:

— Не бойся.

Устыдившись глупого страха, Иска расправила плечи, храбро шагнула в темноту и ахнула от восторга. Девушке показалось, что она идет по ночному небу: черное зеркало полов

отражало в своей глади звездные потолок и стены. На мгновение Иска действительно почувствовала себя избранной богиней: только им не требуются крылья, чтобы удержаться в небе.

Верховная жрица подвела девушку к широкой скамейке, больше похожей на низкий стол, сняла с нее кубок и приказала:

— Пей!

Но прежде чем передать Иске, сама сделала несколько глотков.

Девушка послушно выполнила приказание, а затем ее уложили на жесткую скамью. Жрица встала у изголовья и запела молитвы, перемежая их с речитативом заклинаний, незнакомых и сложных.

Голова Иски закружилась от вина, мешая сосредоточиться на песне жрицы. Иска чувствовала, что, следуя этому голосу, проваливается в беспмятство, и из последних сил цеплялась за действительность. Ощувив усиливающуюся тяжесть в затылке, девушка повернула голову.

Через открытые двери был хорошо виден зал. И среди чужих людей в богатых одеждах вдруг вынырнуло знакомое лицо в обрамлении длинных прямых волос. Таких красных, словно на них пролили кровь.

— Эли! — тревожно дернулась Иска, пытаясь встать. От резкого движения у девушки потемнело в глазах, и голова пошла кругом.

Голос жрицы стал громче, а звезды на созданном магией небе померкли. Все пространство затопила угольная чернота без единого просвета. И где-то там... впереди... вспыхнула белая звезда.

Чем больше проваливалась Иска в пустоту, тем ярче сияло далекое светило. Оно стремительно несло навстречу девушке, становясь с каждым ударом сердца все больше, пока не разогнало всю черноту. Смотреть на ослепительный свет было радостно и тревожно. А затем прямо в его центре возникло сияние. Еще ярче предыдущего, хотя казалось, это невозможно. Оно притягивало, манило, звало. Иска подчинилась было зову, но на самом пороге услышала крик «Иска!», обернулась и увидела на дне черного колодца свое оцепенелое тело. Еще увидела жрицу, как она медленно, словно во сне, опустила на грудь Иске символ власти:

— Волей великой Юссы беру у тебя имя твое, память твою и твою жизнь и дарю тебе новые, жрица по имени Айелет!

Когда маленький футлярчик коснулся кожи, провидица рухнула на пол. В то же мгновение холодный тычок швырнул Иску в туманное облако.

* * *

Стоило Эли ступить в коридор, как ожили его черные тени, превратившись в рослых воинов. Они окружили юношу, он застыл, побледнев, не зная, что делать дальше: попробовать вырваться и убежать или попросить, чтобы пропустили к Иске. Однако гнать взашей наглеца не стали, только обыскали.

— Тебя ждут, — сказал один из стражей и, развернувшись, зашагал вперед.

Эли угрюмо побрел следом, не зная, радоваться или огорчаться такому повороту. Стражник шел, время от времени оглядываясь. Юноше чудилась в его взгляде беззлобная насмешка. Эли понимал ее причину — такого дурака, как он, еще поискать надо. Тупица, решивший обхитрить саму провидицу.

Юноша зло дернулся, мысленно обругав себя самыми последними словами за глупость, и еще больше помрачнел. Хотя все складывалось куда как удачно, почему-то хорошего он не ждал. Ни для себя, ни для Иски. Правда, объяснения своим страхам парень тоже найти не мог, как ни бился. Даже начал думать, что потихоньку сходит с ума.

Когда впереди послышался шум голосов и показались двери храмового зала, Эли рванулся вперед, позабыв о страже. Его моментально словили за локоть:

— Потихе, парень. Не то здесь и останешься.

Эли сделал вид, что слушается, но стоило провожатому ослабить хватку, как юноша растолкал локтями толпу. Его взгляд прилип к низкому ложу, похожему на жертвенный стол. И к Иске. Девушка лежала неподвижно, но Эли чувствовал ее волнение, видел, как часто вздымается грудь.

Низкий спокойный голос великой пророчицы был хорошо слышен даже в самом дальнем углу. Он заставлял вибрировать воздух и подчинял сиринов. Молящиеся проговаривали каждое слово жрицы. Молчали только Эли и охрана, осталь-

ные замерли в трансе, с восторгом глядя на маленькую, беспомощную, перепуганную Иску. Эли отчетливо чувствовал ее страх. На мгновение парень встретился взглядом с Иской, увидел, как ее губы шепнули «Эли», было обрадовался, но тут же замер от ужаса. Девушка дернулась, прогнула спину и безжизненно закатила глаза. Как мертвая. Эли кинулся бы к ней, но на его плечах повисли стражники, в один момент скрутившие горячего юнца. Осталось лишь беспомощно наблюдать за ходом обряда.

А жрица все пела и пела, бледнея прямо на глазах. И когда ее голос стал походить на шепот призраков, женщина сняла что-то со своей шеи и положила на грудь Иски. Девушку мелко затрясло, а Эли отчаянно взвыл:

— Иска!!!

В этот момент верховная жрица рухнула на пол мертвая, а Иска снова прогнулась в спине, вскрикнула, вцепилась рукой в посмертный дар провидицы и обмякла.

Эли показалось, что в зале перестали дышать. Точно всех разом заколдовали. Когда напряжение стало невыносимым, девушка повернула голову, открыла глаза, заморгала и неуверенно провела ладонью по лицу. Вдох облегчения пронесся по залу — все получилось! У сирийцев есть новая пророчица! Молодая и сильная!

Эли же напряженно ждал. Сам не зная чего. И дождался — Иска потянулась к нему:

— Помоги!

Эли вывернулся из объятий охраны и в два прыжка оказался рядом с подругой. Подхватил ее на руки, бережно прижал к себе.

Девушка, покорно прильнув, закрыла глаза:

— Отнеси меня. Хиж покажет куда.

— Слушаюсь, госпожа, — раздался хриплый голос рядом с Эли, и юноша снова дернули за рукав: — Следуй за мной.

* * *

Тяжелый хрустальный шар, витавший в воздухе перед молодой колдуньей, неожиданно налился ярким светом и разлетелся на мелкие куски.

Девушка хоть и успела выставить руки в защитном жесте, а

все одно пострадала: на щеке налилась красным царапина, а в ладони глубокой занозой засела стеклянная игла.

Айелет, верховная жрица, устало опустилась на стул: попытка заглянуть в будущее сирий через шар прорицания снова пошла прахом. Значит, придется погружаться в транс с помощью настойки из листьев акхое.

Жрица дернула за шнур для вызова прислуги, подцепила ногтями стекло, выдернула его и лизнула ранку, проверяя, не осталось ли крошева. Твердые бугорки под языком заставили пророчицу недовольно поморщиться: миновало уже почти четыре месяца с обряда, а мозоли деревенской девчонки так и не прошли.

Скрипнула дверь, и на пороге, низко склонив голову, безмолвной тенью возник жрец.

— Позови послушниц, пусть уберут. — Айелет кивнула на пол, усеянный осколками.

Мужчина кивнул, взялся было за ручку двери, чтобы выйти, но замялся на месте, спросил с тревогой:

— Госпожа, вы ранены?

Жрица снова поморщилась:

— Царапина.

Маг глубоко поклонился и вышел. Через четверть часа комната была вылизана дочиста, ковер заменен, так же как и покрывала на мягкой кушетке и кровати. Великая жрица во время этой суматохи сидела у окна, постукивая в задумчивости пальчиками по подоконнику, в такт то ли неслышной музыке, то ли — собственным мыслям. После окончания уборки нетерпеливым жестом выпроводила всех прочь, подошла к драгоценному ларцу из огневого дерева и достала крошечный флакон, наполовину заполненный бесцветной жидкостью. Одна ее капля приносила спокойный сон без сновидений, две — глубокое беспмятство без боли, четыре — верную смерть.

Айелет отмерила три. Долила воды, скороговоркой прошептала молитву, выпила до дна и опустилась на кровать. Жрица хотела заглянуть за грань, удостовериться, убедиться в правильности выбора. И... успокоиться. Если получится.

Вот уже третий месяц пророчицу преследовали неудачи. Тело отказывалось принимать дар богини. Видения получались смазанными, осыпались, менялись. Постоянно менялись! И Айелет не знала, что делать, готова была выть днями и

ночами напролет, да только не могла. Не могла себе позволить даже обычных слез! Малейшего проявления слабости. Потому что верховная жрица, великая пророчица, глаза и уши богини, не имела права на слабость. Слишком много глаз следило за нею. И слишком многие от нее зависели. Ни больше ни меньше — все сирин.

Кончики пальцев кольнуло привычным онемением. Жрица закрыла глаза, позволяя душе отделиться от тела и попасть в Танту — пограничный мир, где блуждают души живых и мертвых, а время превращается в воду, в которой можно увидеть будущее.

Айелет не заметила, как чернота перед глазами сменилась белым молоком плотного тумана. Он тяжелым облаком льнул к земле, укутывая молодую женщину по самые плечи, размывал в зыбкие тени невысокий кустарник, ключьями вис на огромном колесе, что покорно вращало лопасти под тяжестью времени. Тягучая, вязкая вода серебристыми каплями стыла на костяных спицах, мерцала меж лопастей. В ней, как в невиданном зеркале, возникали яркие картины будущего, зерна событий которого уже посеяны и готовы прорасти.

Пророчица подошла вплотную к колесу и жадно всмотрелась в радужную пленку: что оно покажет на этот раз?!

От внимательного взгляда колдуньи поверхность заволновалась, подернулась зыбью, но вместо желанных видений в ней отразился закутанный в плащ мужчина с опущенной головой.

Мужчина меж тем, почувствовав, что на него смотрят, распрямылся и шагнул вперед. От резкого движения капюшон сполз, открыв взгляду пророчицы острый гребень в три ряда, жуткое безгубое лицо с узкими щелями вместо носа. Но самым страшным оказались глаза. Белые, словно вареный белок, но тем не менее самые зрячие на свете. Способные насылать видения, от которых легко умереть. И сейчас взгляд чудовища был обращен на нее, на пророчицу.

Почувствовав, что проваливается в осязаемый кошмар, женщина спешно прикрыла лицо рукавом, попятилась, но убежать не смогла: ужас успел запустить когти прямо в сердце и не дал шагу ступить. В продолжение кошмара, скрипнув, остановилось колесо. Колесо времени остановилось!

Женщина знала, для чего. Чтобы выпустить в явь чудовище из преисподней. Того, кто погубит мир. Того, кто способен

уничтожить ее саму. Прямо сейчас — стоит только встретиться взглядами. Бежать бесполезно. Туман сковывает движения не хуже оков, но он послушно расплывется в стороны — жрица знала, знала это! — перед тем, кто выберется из колеса.

Демон Ансуре. Проклятый. Последнее испытание сирийцев.

Пророчица почувствовала, как сотрясается земля под тяжелыми шагами, и плотно зажмурилась — смотреть нельзя! — а в следующее мгновение лица коснулась шершавая лапа.

— Айелет, открой глаза! — приказал низкий хриплый голос. Пророчица почувствовала, как против воли задержались веки, и застонала, в ужасе поняв, что сейчас наступит ее конец.

— Айелет... — с грустной укоризной окликнул голос, и женщина подняла голову, готовясь встретиться с неизбежным.

— Иска!!! — Отчаянный вскрик порывом свежего ветра в одно мгновение разметал весь туман и выдернул пророчицу из страшного сна.

Она вскинулась, села, потянулась к шнуру, дождалась появления служанки и хрипло приказала:

— Принеси отвар из шиповника и скажи, чтобы позвали дракона Эли Ни.

Девушка поспешно бросилась выполнять приказание.

Пророчица закрыла глаза, вспоминая видение.

Все началось больше тридцати зим тому назад. Да, именно тогда, пойдя рябью, рассыпались в мелкую мозаику предсказанные события. Выплыла смутная фигура. Сначала она не сильно встревожила жрицу — было понятно, что на свет родилось существо, способное менять судьбу всего мира. Такие появлялись иногда. Но проходило время, и будущее попросту складывалось в новую картину. Которую Айелет легко меняла, просчитывала и выправляла. Поначалу именно так все и было. Она же видела!

Жаркие божественные лучи, уничтожившие разом всю нежить в Проклятых землях. Войну, победу, добытую руками магов и мечами союзников. Новое, сильное государство. Мир, постепенно избавляющийся от людей. И демон в глухой черной маске, скрывающей лицо, не дающей разглядеть, кто он на самом деле. Под знаменами сирийцев рядом с ее новым телом — маленькой светлоглазой девочкой, способной управлять магиями жизни и смерти одновременно. Способной воплотить замысел Айелет в жизнь!

Но вскоре все изменилось. Пустошь заставила тварь из

преисподней сорвать маску, и вот тут пророчица поняла: раннее видение — обман! Потому что увидела собственную смерть. А это значит — смерть всего рода сирийцев. Ведь умрет пророчица — и ее народ канет в небытие. Его уничтожат! Как тогда... много веков назад.

Жрица передернула плечи в ознобе.

Она помнила, она все помнила! Каждую минуту той страшной ночи, каждый час поспешного бегства, когда воздух пропитал сладковатый запах вывариваемой плоти сирийцев. Эти мертвые до сих пор приходят к Айелет по ночам! Шепчут, плачут, тянут призрачные руки, просят об отмщении! Нет их душам покоя. И ее душе... тоже нет.

О пресветлая Юсса, как же она, Айелет, устала... Как тяжело тащить одной эту ношу... И эту ненависть. И этот страх!

Скоро, скоро настанет время для ответного удара. Для мести. Последний шанс сирийцев. Ансуре доставит ей новое тело, а сам умрет!

Женщина не удержалась от кривой усмешки: демона нельзя уничтожить, зато можно вышвырнуть туда, откуда он явился. Этого будет достаточно. Главное, он почти в ее руках! Случайных видений хватит, чтобы довести намеченный план до конца. Вот только бы сил набраться. А для этого ей нужен он. Обласканный милостью Хегази мальчик. Так привязанный к девушке по имени Иска.

Жрица покрутила в руках самодельные синие бусы из любовно отшлифованной ляпис-лазури и тяжело вздохнула.

Девчонка стала очередным просчетом. Иска оказалась беременной и настолько трусливой, что ей не хватило сил встретить свою судьбу.

Иногда пророчица видела в Танту душу Иски. После смерти она боялась Айелет не меньше, чем при жизни, и моментально пряталась в плотном тумане.

Может, поэтому дар теперь отзывался так неохотно и так... неправильно?

Да, это была ошибка. Но что сделано, то сделано — на поиски нового подходящего тела, способного принять дар провидения, просто нет времени, а старое не пережило бы зиму. Пророчица не могла так рисковать. Да и нельзя идти против видений. Если в зеркале возникла именно эта девчонка, значит... так тому и быть. Не ей, грешной, ругать путь, уготовленный богами. Юссе виднее.

Ничего, постепенно все утрясется. Главное — дотянуться до малышки. Нет! Главное — уничтожить демона! Это он — причина слепоты Айелет!

Неожиданно перед глазами вспыхнул на миг и погас образ далекого города, высокая гранитная стена и воин, пронзающий сердце гребнистого чудовища. Волосы воина были цвета меди.

То самое долгожданное видение! Проясняющее избранный путь.

Айелет, рухнув на колени, не обращая внимания на боль в ногах, истово зашептала:

— Спасибо, спасибо, Пресветлая мать!

И лишь потом нахмурилась — видение расходилось с планами жрицы. Ну что опять не так?!

* * *

— Подымайся, парень! — Грубый тычок в бок привел Эли в себя. — За тобой пришли.

Юноша сел, окинув говорящего мутным со сна взглядом, но переспрашивать не стал. Эли без вопросов понял, кому потребовался. Сотник Рои приходил лишь в том случае, если за его новым драконом присылали гонцов из главного храма. И каждый раз на жестком, выдубленном ветром лице мужчины отражалась смесь детского любопытства и недоверия. В Гиле даже у самых надежных стен росли уши: слухи о том, зачем Эли выдергивают в Небесный храм, в конце концов, дошли до командира майджа¹. Теперь он искренне недоумевал: что же такого особенного было в этом юнце? Что тянуло к нему саму пророчицу? Это волновало не одного Рои — многие из новых товарищей вчерашнего деревенского паренька пытались подобраться к нему с вопросами. Но без толку — юноша лишь мрачно отмалчивался. Он вообще теперь больше молчал. И почти не улыбался. Жизнь Эли, такая простая и ясная, все больше запутывалась с каждым днем.

Тогда, после обряда... Иска оставила Эли на ночь. Именно эта ночь стала точкой отсчета его новой жизни. Ночь, когда Иска снова ему отдалась. Вот только юноша теперь не знал, что думать. Рад он этому или не рад.

¹ М а й д ж (крыло) — 100 воинов.

Не было больше той Иски, к которой Эли привык. Обряд открыл новую девушку. Она дарила такие наслаждения, о которых юноша даже подумать раньше не мог. И учила такому... о чем говорить-то стыдно. *Его* Иска так не умела. Она стала как...

Юноша сердито мотнул головой, не желая даже мысленно произносить слово, порочащее, пятнающее Иску и его любовь. Невесело усмехнувшись, потянулся за шерстяной туникой, но передумал и сотворил иллюзорный плащ: какой смысл что-то надевать, если вскоре вновь окажешься в постели?

Эти ночные встречи терзали сердце юноши, словно удары тупого ножа: и раны неглубокие, а не затягиваются, ноют; ноют каждый день. Эли несколько раз пробовал поговорить с девушкой, но она лишь недовольно хмурилась. Незнакомо хмурилась, не так, как раньше. И резко обрывала: «Не надо об этом, Эли. Ты не понимаешь!»

А он правда не понимал такую Иску. Да и не Иска это была, а великая пророчица по имени Айелет. Днем — властная, жесткая и холодная, как снег на вершинах. Жаркая, страстная и бесстыдная — ночью.

Наверное, лучше всего для Эли было бы вовсе о ней забыть, он чувствовал — девушку тяготит присутствие бывшего возлюбленного. Поэтому и выбрал себе не службу в храмовой охране, как она предлагала, а попросился простым солдатом к драконам. Он бы вовсе вернулся в деревню... Если бы только не сны, в которых Иска плакала и просила: «Помоги!» Если бы не испуганное «не уходи!» спросонья. И если бы не клятва. Последняя держала крепче любых оков.

Чтобы сбежать от тяжелых мыслей, от себя самого, Эли день за днем выматывался в изнурительных тренировках. А уж как рисковал, что вытворял в воздухе...

Товарищи по майджу прозвали его Грэзу — Шалый. Прозвище стало новым именем Эли, прилипнув к нему, как вторая кожа. Хотя правильнее было бы звать его Мэд — Сумасшедший.

За три месяца занятий и бессонных ночей парень, и без того не толстый, стал похож на связку жил, а в глазах прочно поселился огонек ненависти.

Спроси у Эли «к кому?», он ответил бы не раздумывая — к боуду, к людям. Но так ли это было на самом деле... юноша предпочитал не задумываться. А если задумывался — хватал-

ся за деревянный меч и шел упражняться на чучелах, потому что больше всех новоиспеченный дракон ненавидел самого себя. За слабость. За неспособность помочь. Уберечь.

А ведь все могло бы быть по-другому... просто требовалось отвесить Иске пару затрещин, вытащить ее за шиворот из деревни и заставить лететь за собой!

Если такие мысли посещали Эли во время занятий, он складывал крылья и камнем падал вниз, раскрывая их только у цели, когда надо было скинуть чучело человека со стены или разворотить аркбаллисту.

Командир майджа только головой качал — он считал Эли Грэзу смертником. Тем, кто не переживет первый бой. Зато молодежь думала по-другому. Такие же юнцы, как Эли, тянулись за ним. Пытались подражать. И хотя Грэзу чурался их компании, предпочитая держаться особняком, его все равно признавали лидером.

Стремление новобранцев стать хорошими бойцами охотно поддерживали храмовые маги, подстегивали заклинаниями, позволяющими это сделать в короткий срок.

Когда стража распахнула перед Эли двери, он привычно замер на пороге. Первый шаг всегда давался юноше нелегко. Вот и сейчас он сначала отыскал взглядом Иску. Она сидела на кровати, держа обеими руками тонкостенный фарфоровый бокал, над которым вился легкий парок. Под глазами Иски залегли глубокие черные тени, такие же, как у самого Эли, но в остальном она выглядела вполне здоровой и — уже привычно — негибаемой, словно клинок из ахшарской стали. Будь у Эли возможность, он бы сейчас сбежал: когда Иска становилась Айелет... великой пророчицей... юноше казалось, что это и не Иска вовсе, а кто-то другой, самовольно занявший ее тело. Потому что пророчица ничего... ничего не оставляла от его любимой!

Айелет посмотрела на юношу, поставила бокал на столик и подвинулась, молчаливо приглашая любовника разделить с нею ложе. Юноша зло дернул плечом, но послушно сел рядом, обнял, чувствуя, как чресла наливаются желанием, и кляня себя за неспособность устоять. Нахмурившись, потянул за собой девушку, и та в кои-то веки послушалась, прильнула к груди любовника и тихо выдохнула:

— Я ночью твоего ребенка.

Ошеломленный новостью, Эли стиснул Иску в объятиях,

но нужных слов подобрать не смог, лишь зарылся носом в ее черные кудри.

— Эли, я так устаю, — совсем по-детски пожаловалась пророчица. — Эти видения... прошлое, будущее, свое, чужое... Они мне спать не дают. Я так боюсь что-нибудь сделать не так! У меня осталось слишком мало времени...

После этих слов у юноши перехватило дыхание.

— Война, я ее вижу! Я чувствую — она на пороге! Мы должны опередить... — Иска вцепилась в руку Эли, — иначе все повторится! Нас снова уничтожат! Вот только теперь бежать будет некуда. Я больше ни о чем думать не могу. Ты прости меня... Знаю, что сама на себя не похожа...

Девушка болезненно сжала виски и съежилась.

— Во главе их войска стоит сам Ансуре! Он мучает меня. Приходит во сны. Помоги мне, Эли... Иначе мы все пропадем!

Эли, слушая Иску, обругал себя самыми последними словами — не понял, не попытался осознать, каково ей приходится, что обрушилось на плечи любимой. Каково это — быть оком и голосом богини, видеть прошлое и будущее. Конечно же невозможно остаться прежней!

— Что надо делать? — хрипло выдохнул юноша.

— Просто будь рядом хоть иногда. Я понимаю, тебе тяжело. И постараюсь трогать как можно реже. Но отпустить, прости, не могу... демон... он тебя боится. Не знаю почему. Может, ты способен его уничтожить?

Иска с надеждой посмотрела юноше в лицо, и тот мрачно кивнул — теперь то, что с ним происходило, обрело смысл. Судьба привела Грэзу в нужное место. Но... ребенок?

Эли погладил девушку по плоскому животу:

— Кто это будет? Девочка или мальчик?

Иска впервые за вечер улыбнулась:

— Мальчик. Он станет основателем нового рода.

В ту ночь Эли ласкал девушку с особенной нежностью, долго и неторопливо. Впервые за последние месяцы его душа хоть немного успокоилась. Иска была тиха и покорна, разом растеряв прежнюю ненасытность, и после того, как Эли устало откинулся на подушку, почти сразу уснула. Он немного полюбовался на спящую, последний раз вдохнул аромат ее тела, порадовавшись, что на этот раз девушка не стала сбивать его запахом духов, а затем тихо встал и ушел. Высколенная стра-

жа проводила юного любовника великой пророчицы бесстрашными взглядами.

Холодное осеннее небо встретило Эли мелким ледяным дождем и резким ветром. Пройдет совсем немного времени, и склоны гор густо уберит снег. В деревне уже убрали в амбары поздний урожай репы и капусты. Наверняка родителям пришлось без Эли нелегко. Хорошо хоть получилось передать с оказией жалованье за месяц. Все худо-бедно подмога. И деньги, что юноша прихватил в дорогу, он тоже вернул. Зачем ему... Грэзу теперь на казенных харчах. Всем обеспечат. И крышей, и едой, и одеждой, и даже приказом, как дальше жить. Все решат за него.

Эли опустил на крышу казармы, преобразился и, ежась от холода, торопливо рванул к кровати — досыпать. У него оставалась еще пара часов на отдых, их нельзя было упускать. Правда, сон пришел не сразу. Эли вспоминал... Каждый жест, каждое слово Иски.

Ребенок... Их с Иской ребенок. Он отец ребенка верховной жрицы. Кто бы мог такое предсказать? Кроме... самой провидицы.

* * *

Не успел уйти любовник, как великая пророчица перестала притворяться — не время спать! Да и не получится: тревога каменным жерновом ворочалась в груди. На жрицу давил долг; долг перед теми, кто беззащитен. Кто не может предвидеть беду и себя защитить.

Сколько раз Айелет хотела добавить в бокал четвертую каплю? Бесчисленное множество раз! Но не решалась. Потому что будущее открывалось, только если она, Айелет, жива. А это значит одно — она обязана следовать своему предназначению и делать то, что должно. Иначе никак. Женщина уже привыкла к его ежедневной тяжести и к тому, что всю собственную жизнь приходится рассматривать через призму долга, но сегодня к нему прибавилась тревога.

Что-то должно произойти! Уже произошло. И судя по тому, что женщина не увидела этих событий — они снова связаны с мерзким демоном!

Жрица торопливо дернула за шнурок:

— Принесите горячую воду, платье и завтрак. А через час разбудите старшего жреца.

Выполнить последнее приказание не успели — он прибежал сам. Преклонил почитательно колено и, не дожидаясь ответного приветствия, тут же вскочил:

— Айелет, новости из Сырта!

Жрица медленно поставила кубок с водой на стол:

— Говори.

— Демон с девочкой бежали! Он почувал опасность и попробовал уйти, а ваша шпионка... — жрец выделил интонацией слово «ваша», — решила Ансуре подчинить, вместо того, чтобы убить. И его спутник... сирий, он на его стороне! И еще не-мертвые. Кровососы Проклятых земель.

Жрец снова склонил голову, стараясь избегать взгляда пророчицы, чувствуя, как он прожигает насквозь. И жалея о том, что поддался эмоциям.

Верховная жрица Айелет, великая пророчица, не способна ошибаться. То, что треклятая Глория пошла против нее — происки демона, и никак иначе.

— Я этого ждала, — мрачно кивнула пророчица.

Айелет торопливо заскользила взглядом по ровным строчкам доноса. Хотя лицо пророчицы оставалось спокойным, в ее душе обжигавшей лавой клочкотала ярость.

Попытка получить демона провалилась только потому, что безмозглая дура внезапно решила изменить план!

В груди у жрицы похолодело, она стиснула рукой кулон, где хранилась частица ее собственного тела. Самого первого, появившегося на свет почти тысячу лет тому назад.

И сама Айелет ошиблась. Выбрала не того. Изгои недостойны доверия! Их души сгнивают рядом с боулу, этими двуногими крысами! А демон... он просто был обязан остаться с людьми, ведь они — порождение темного мира. Худшее из зол! Они как прожорливая саранча: омерзительная, всеядная, способная пролезать через самые узкие щели! И только в ее, Айелет, силах справиться с этой напастью.

Женщина закрыла глаза, выровняла дыхание и спокойно сказала:

— Принесите голубя с белым хвостом.

Через час маленький вестник, часто маша крыльями, отправился в опасный путь. Он полетит без остановки, пока не

достигнет цели — все это время его сила будет питаться магией. Выполнив свое предназначение, птица умрет.

Жрица прищурилась. Судьбы сиринов не отличаются от судьбы обычной птицы. У каждого из них свое предназначение, свое место в жизни. И у Иски, и у мальчика с рыжими волосами, и у нее самой, Айелет. С этим надо смириться.

Женщина рухнула на колени, закрыла глаза и простерла руки к небу, моля богиню забрать, если надо, ее жизнь, но убедить, спасти детей Сирина.

На лбу Айелет выступили мелкие капли пота. Вот уже много веков душу пророчицы грызли два кровожадных зверя: ненависть к людям и страх за свой народ. Они высасывали из жрицы всю радость жизни.

* * *

Тревожный сигнал трубы застал Эли на тренировочной площадке: с крыши Небесного храма разнесся по Гиле яростный призыв, заставивший горожан разом повернуть головы в его сторону. Почти сразу же за пением трубы к драконам слетел их командир.

Когда он заговорил, лицо сотника Рои показалось высеченным из камня. Слова срывались с обветренных губ мужчины отрывисто и резко:

— Сегодня. Ночью. Люди сожгли. Восточный Зиф. Никто не уцелел.

У Эли комок подкатил к горлу — Восточный Зиф был форпостом, прикрывающим подходы к родной деревне. Грэзу часто продавал туда рыбу, пойманную в горах дичь, сыр и куриные яйца. Эта небольшая крепость охраняла долину уже много веков. Обойти ее было невозможно, как и взять за одну ночь.

— Как?! — прорычал напарник Эли, высокий темноволосый сиринов по имени Вэлвиль, почти такой же сумасшедший, как сам Грэзу. Младший сын не особо знатного, но древнего рода Зээ, которого отец сам привел в гарнизон в надежде, что там укротят буйный характер парня.

Эли понимал, о чем спрашивал его товарищ: ни один человек не смог бы подобраться к крепости незамеченным даже в кромешной тьме, а тем более вырезать весь гарнизон.

— С ними была шайка отступников. Наших. Магов. С людьми. И с не-мертвыми.

Эли не поверил своим ушам: сирин? Сирин предали свой народ ради людей?! Да что же такое надо предложить, чтобы заставить служить гнусным боулу?! Этим стервятникам, живущим за счет жизней сирин! И якшаться с трупами! Какое безумство затуманило разум изменников?!

Меж тем сотник снова заговорил:

— Триумвират передал власть главнокомандующему и Айелет. Они готовы вести нас в бой! А вы... вы готовы мстить за павших братьев?!

Когда из сотни глоток вырвалось «Да!», Рои кивнул:

— Завтра выступаем на Сырт. К вечеру командирам стило¹ доложить о готовности!

Один за другим драконы обрастали перьями и взмывали в воздух — готовиться к походу, а Эли стоял, словно замороженный.

Кто поведет их в бой? Иска?! Беременная Иска отправится на войну?!

Юноша свечой взмыл в небо, но полетел не в казарму, а напрямик в храм Юссы. Однако его не пустили.

Начальник стражи преградил дорогу со словами:

— Айелет занята. Не до тебя. Сказала, чтобы дожидался в казарме. За тобою пришлют.

Взгляд у стражника был откровенно насмешливый, поэтому Эли не стал отвечать, только зубами скрипнул от злости, прежде чем снова преобразиться в птицу.

Ближе к полуночи его действительно позвали. На этот раз юноша нашел серую от усталости Иску в кресле. И от ее поникшего вида все слова, что он готовился сказать, застряли в горле.

Иска заговорила сама:

— Эли, видения начинают сбываться! Они на этом не останавливаются! На пороге большая беда.

Эли вместо ответа подхватил девушку на руки, отнес в кровать, аккуратно укрыл покрывалом и растянулся рядом.

Иска в ответ на такую заботу усмехнулась. Горько, не так как раньше.

— Подожди. Надо принять лекарство. Иначе не засну.

¹ Стило (перо) — 10 воинов.

Выбралась, достала из кованого ларчика пузырек, отмерила каплю в бокал с водой, задумалась, искоса глянула на Эли и добавила еще две. Выпила сама, дала Эли сделать глоток, а затем нырнула под одеяло и прижалась к юноше:

— Обними меня, Эли! Мне так спокойно рядом с тобой.

Он послушно прижал к себе пока еще стройное тело любимой. Нежно провел по твердому камушку намечающегося живота и вздохнул:

— Во имя Юссы скажи мне, ты что, действительно собираешься сама воевать?

Иска, помолчав, невнятно пробормотала:

— Я не покину Гилу, пока не родится ребенок.

И засопела.

Эли провалился в сон следом за девушкой. Глубокий, без сновидений. Вроде бы. Перед рассветом парня разбудила выпавшая и невыразимо прекрасная Иска. Нет! Уже не Иска. Его разбудила верховная жрица Айелет, одетая в темное платье, умытая, с прической, уложенной волосок к волоску. Строгая и серьезная.

— Пора, — сказала без намека на улыбку. — И тебе и мне. Я сообщу, когда родится ребенок.

Эли понял, что девушке не терпится выпроводить его вон.

— Что-то случилось?

Иска едва кивнула:

— Юсса показала мне Восточный Зиф. Там... Они ведь нас всех так...

И замолчала, не в силах говорить. Только зрачки расширились, заняв почти всю радужку.

Эли сжал кулаки от злости — проклятые боулу! Он сам проснулся с ощущением непередаваемого отчаяния и горя.

Перед тем как уйти, юноша хотел попрощаться по-мужски — сдержанно и без нежностей — но не выдержал, стиснул девушку в объятиях, поцеловал куда-то в ухо:

— Береги себя! — И, не оглядываясь, кинулся вон.

Ги́ла изменилась с ночи — си́рин вывесили за окна траурные полотна. Их было намного больше, чем бойцов в гарнизоне Восточного Зифа. Это походило на беззвучный крик. Каждая семья, в которой кто-то погиб по вине людей, объявила о своих потерях.

У юноши перехватило дыхание — он и не подозревал, что

дела обстоят так плохо. Конечно, в деревне тоже были пропавшие, но все-таки... все-таки...

Длинные стяги красного цвета, реющие на ветру, превратили башни Гилы в кровавые цветки на черных стеблях. Из открытых окон на улицу рвался крик — женщины оплакивали мужей и сыновей, погибших в Восточном Зифе. Им вторили те, чьи дома горе посетило намного раньше. Свежие утраты заставили кровоточить казалось бы зажившие раны.

А когда Хегази раскрасила небо в розовый цвет, Эли стоял вытянувшись перед Рои, тот с недовольством рассматривал свой майдж. Вернее — четырех новичков. С воинами отправляли магов. И эти маги у Рои доверия не вызывали. Слишком юными, слишком зелеными выглядели они. У каждого на шее почти у самого уха чернел острокрылый птичий силуэт: в помощь драконам прилетели соколы Юссы. Боевые маги, с малолетства живущие в Небесном храме.

От взгляда на татуировки у Эли зачесалось плечо — ему самому недавно выжгли магическим лучом крылатого дракона, символ бога войны Борра, покровителя воинов.

Командир майджа скользнул взглядом по первому ряду своих бойцов.

— Собирайтесь, ребята. Вещи с собой. Великая пророчица... — взгляд Рои на мгновение остановился на Эли, — хочет благословить нас перед битвой.

Почти сразу после слов Рои драконов поставили строем на площади Пяти храмов, что так поразила Эли во время прилета в Гилу. Искусственный остров завершили, но не успели украсить, и теперь черный от дождя гранит вторил своей мрачностью лицам воинов.

Несмотря на непогоду, в воздухе парило много сиринов. Еще больше облепило крыши храмов и соседних с площадью зданий. Дети Сиринов ждали появления пророчицы: народ Юндвари желал знать, что предпримет триумвират и великая жрица. Сиринов жаждали возмездия.

Эли стоял неподвижно, чувствуя, как по намокшим волосам и телу стекает вода. Но это его не беспокоило. Юношу больше волновала собравшаяся толпа — Иска всегда терялась, когда от нее ждали умных речей. Она краснела, начинала запинаться и, в конце концов, замолкала, прикусив нижнюю губу. Но это раньше! Когда она еще была обычной девушкой по имени Иска, а не всесильной Айелет.

Вскоре она появилась: жрица в сопровождении охраны слетела на балкон одного из храмов. Там ее уже ждал главнокомандующий.

Нестройный гул голосов, гневно рокочущих, словно камни на речном перекате, затих. Хрупкая девушка властно подняла руку и заговорила. Ее тихий, полный бесконечного страдания голос, многократно усиленный магией, достиг ушей горожан:

— Дети Сирина.

Иска замолчала, словно в нерешительности. У Эли перехватило дыхание от переживаний. Но девушка справилась с чувствами, и когда заговорила, ее голос только окреп:

— ...Последняя надежда на то, что нас обойдет пожар, разжигаемый подлыми боулу, рухнула. В Восточный Зиф пришла беда... Великая Юсса, мать поднебесного мира, не раз посылала нам видения, предупреждая о зреющей буре, о тяжелых временах, что предстоит пережить. И вот они настали! Надеждам на спокойную жизнь не суждено сбыться! Кровь сирина уже оросила Юндвари! Больше медлить нельзя. Боулу хотят повторить времена великого Исхода! Нашего бегства.. Времена черного горя, смерти и беды!

Теперь голос Айелет пел и дрожал. Ярость юной жрицы, просочившись слабым ручейком сквозь прохудившуюся дамбу терпения, выбила первый камень и дала дорогу настоящему потоку — гневу народа сирина.

Эли видел, как злобно оскалился Вэлвиль. Да и сам Эли, попадись ему сейчас человек, убил бы, не задумываясь. Потому что Иска права — эти твари не имеют права на жизнь! Пока от них не избавишься, мира не будет! Ни в стране, ни в душах сирина!

— ...Наши предки не пали тогда духом, не сдались. Мы тоже не станем предаваться отчаянию. Нет! Сирина не склонят голов на кровавый алтарь людской жестокости! Мы готовы защитить свои жизни! Мы ответим ударом на удар, обратим в прах тех, кто не дает нам покоя!

На этом месте жрицу прервал восторженный рев. Именно этих слов от нее и ждали! Никогда еще не были сирина так едины в своих желаниях. В этот день оно было одно на всех — отомстить!

Эли смотрел, как сверкают воодушевлением глаза Иски, как часто вздымается ее грудь. Казалось, девушка впрямь собралась возглавить войско.

Наконец крики утихли, и Айелет снова заговорила. Ее звенящий голос стучался в души и сердца собравшихся сиринов, зажигал в них настоящее пламя, желание схватиться за оружие и уничтожить тех, кто покушается на жизнь крылатого народа.

— ...Лишь когда погибнет племя людей, ваши матери, жены и дети смогут спокойно спать по ночам, подниматься в небо без опасения получить стрелу в сердце лишь за то, что в их жилах течет кровь Пресветлой Сиринов! На сердце моем тяжело: мне, как и вам, хотелось бы только мира. Но мать богов каждую ночь говорит — выбора не будет: или мы, или они! Потому что из преисподней вырвался темнейший демон, прародитель людей. Его злое семя не способно нести ничего, кроме смерти! Выбора нет! Но боги нас не оставят! Скоро, совсем скоро они пошлют на землю невидимое пламя, что выжжет ночные тени и очистит нам путь к самому сердцу зла! Если его не уничтожить, не пройдет и ста лет, как уничтожат нас! Не мы объявили войну! Помните об этом. Она сама пришла к нам!

Тут верховная жрица упала на колени и простерла руки к небесам. Ее примеру последовали все остальные.

— О Великая Юсса, тебе мы вручаем наши судьбы! На тебя возлагаем надежду свою! Защити создания свои, раскрой над нами божественные крылья! Освободи поднебесный мир от мерзости Ансуре и его семени! Да восславится имя твое и твоих детей до скончания века!

Великая пророчица медленно встала, запрокинула голову и яростно выкрикнула:

— Правом, данным мне Великой богиней, я благословляю вас на ратный труд! Знайте, Юсса дарует нам победу!

Когда рев и клекот, огласившие Гилу при последних словах пророчицы, стихли, Рои поднял к небу лицо и рявкнул:

— Слушать меня, зелень короткокрылая, не будете держать строй, перья повыдергаю!

Воздух наполнило хлопанье огромных крыльев — драконы взлетели вслед за своим командиром, привычно построившись в несколько дуг. Они стали первыми в длинной череде грозных стай — в Восточный Зиф отправили целое айе¹. В казармах готовились выступить еще три тысячи воинов.

В чашу многовекового терпения сиринов упала последняя капля. Теперь ничто не могло остановить войну.

¹ Айе (клин) — 1000 воинов.

ГЛАВА 1

Обычно перед тем, как разразиться буре, наступает благоговейная тишина: стихает ветер, звуки вязнут в воздухе, словно в толстом слое ваты, и только тучи постепенно закрывают черными тушами небосвод.

Вот и у меня на душе было, как перед бурей: тихо, но муторно. Сделанный мною выбор спокойствия не принес. Это все равно что погрозить кулаком небу и заявить — да хоть потоп, а я не вымокну! Вот только тучам на пустые слова наплевать, и если ты не маг — а я не маг — готовь сухие вещи. Это в лучшем случае. И как минимум плот — если в худшем.

У меня назревал второй вариант. А то, что «на веслах» сидели вампиры, не прибавляло надежды на благополучный исход. Пустошь — не страна исполнения желаний. Что нас там ждет? В самом сердце земель нежити?

Если призвать здравый смысл — не смерть. Я был уверен: Андру рассказал правду о людях, иначе вампиры попросту не выжили бы в глухом краю, где человек самый невиданный «зверь» и самый желанный, поскольку кровь они сосут регулярно, и ее отсутствие переносят с трудом. Даже этернус, даже сам князь. Значит, про крестьян не ввали. Да и в остальном поступки пока подтверждали, что упырям можно верить... до определенной степени. Осталось узнать, способны ли они проделать весь путь, не тронув попутчиков, ведь человеческую кровь в мешок не запахнешь и на привале не приготовишь. Этот «продукт» годен только в свежем виде. Но определяться с выбором пора: в Сырте не отсидеться. Впрочем, до возвращения Агаи времени достаточно, успею подумать как следует. Тем более что меня пока тревожили не упыри, а заговорщики, особенно — их внезапная утрата интереса к беглецам.

Почему крылатые изменили планы? Потеряли надежду нас найти?

Не верю.

Устроили засаду в другом месте?

Сомнительно. Все равно должны были оставить ищеек.

Понатыкали магических сторожков и ловушек?

Возможно, но легко проверить.

Что еще?

А еще могли произойти серьезные изменения в планах мятежников. Настолько серьезные, что они, бросив «дичь», помчались спасать свои шкуры. Хотя... был еще один вариант. Это если переворот свершился и без помощи армии мертвых, которую я якобы должен привести.

Последняя из версий казалась наиболее вероятной.

Какое событие заставит хищника смотать паутину? Только одно — в соседней уже жужжит более жирная муха. И это жужжание вряд ли нам во благо: если победят бредящие всевластием — ждать войны, а ее надо встречать в надежной крепости.

Конечно, можно попытаться лучшей доли в далеких землях, но мне этого искренне не хотелось. Не верил я в истории о садах Ирии на стороне. Уж если родина словно мачеха, то что говорить про чужие страны? Вон та же Риволия, загораживающая Фириту выход к внешнему морю, много оттуда возвращалось таких, как я? Я имею в виду — нелюдей. Что-то пока не слышал.

Жрецы строгого Тудо Вэ сторожили гостей, грозя смертью тем, кто родился необычным человеком или не человеком. В Риволии даже маги выживали, лишь посвятив себя служению грозному божеству. Зато туда дороги нет и Фириту и сирий... ну и мне заодно.

Да мало ли на какой подводный камень можно налететь в стране, которую не знаешь? В которой не знают тебя? В своем краю или хотя бы поблизости и ветер помогает.

Нет, далеко не побегу. Пока во всяком случае. Будет та война или нет, еще неизвестно. Даже если будет — слишком много земель придется покорять сирий! Не осият они таких территорий.

Эх... если бы не это проклятое пророчество... Похоже, я в него все-таки поверил, раз решил, что не поддамся... Но как те-

перь предугадать, какой шаг спасет от неверного пути, а какой к нему подтолкнет?

Да... задача.

Ближе к рассвету все, что придумал, показалось неправильным и сомнительным. Не умел я продумывать ходы с настолько дальним расчетом. Потому и предпочитал держаться в стороне от дворцовых интриг.

В итоге, как это обычно бывало в схожих ситуациях, я выругался вслух от души и тут же услышал:

— Что, мысли невеселые в голову лезут?

Ко мне поднялся Лаланн. Выглядел он как обычно — свежо, аккуратно и подтянуто. В этом Рис был здорово схож с князем, если только можно говорить «свеж» о мертвеце трехсотлетней давности. И почему, хотелось бы знать, вампиры не воняют, как те же умертвия? И не гниют? Надо на досуге у Андру поинтересоваться. А мысли — да, невеселые, милитес правильно угадал.

— Так и положение наше — не посмеешься.

Рис неопределенно пожал плечами:

— Бывало и хуже.

Это он верно заметил.

— Что твой упырь рассказал? — словно невзначай поинтересовался Лаланн.

Я, скривившись, поскреб ногтем щетину на щеке:

— Знаешь, Рис, ничего утешительного для меня лично, кроме одного известия — для всех вас я не опаснее, чем вы для меня.

Милитес хмыкнул:

— Расплывчато, не находишь?

Я развел руками — мол, большего сказать не могу.

В комнате повисло неловкое молчание, и чтобы избавиться от него, я сказал:

— Сиринов больше не следят за нами.

— Да? — насторожился Рис, надолго замолчал, обдумывая новость, и вздохнул: — Теперь мы не можем предвидеть их поступки. Уходить надо из города!

Опять согласен, однако... что бы ни делали наши враги, вряд ли у них получится опередить Агаи: у него ведь тоже крылья растут. Но подготовиться в дорогу надо. Например, раздобыть зимних вещей — холода наверняка застанут нас в пути.

Восковой огарок прогорел и погас, погрузив комнату в тем-

ноту. За новой свечой я не полез: до рассвета оставалось не больше часа. А еще мне хотелось посмотреть, что происходит на улице.

Я подошел к окну, снял массивный внутренний ставень и осторожно отогнул край плотной куцей занавеси. Заросший травой двор с первого взгляда казался пустым и брошенным. Со второго я увидел человека, притаившегося на дереве. Точнее — вампира. Одного из этернус князя. Не самое лучшее укрытие, на мой взгляд.

Я уже хотел вернуть ставень на место, как поза дозорного поменялась: он приготовился к броску. А в следующее мгновение во двор забежал крупный волчара — мы и думать про оборотней забыли в суматохе последних дней! Он шел явно по следу, припав черным носом к земле. Не думаю, что по нашему — слишком много времени прошло со дня вселения, да еще дождь пару раз моросил. Однако двигался вервольф очень уверенно, а значит, искал не нас. Точнее — искал не людей.

Подойдя к двери, волк обнюхал ее, заметно вздыбил холку, поджал хвост и попятился.

Вот дерьмо носатое! Его нельзя отсюда выпускать!

Я кинулся к выходу, но меня опередили — послышалось сдавленное рычание и возня.

— Зови князя! — приказал я Рису и вернулся на прежнюю позицию.

Когда оборотень схватился с вампиром, я узнал молодого этернус, что ходил со мной в дозор. В отличие от противника, драться упыренок пока не умел. Мало того, что не свернул шею зверю, так еще с трудом ускользнул от его зубов. Теперь две твари щерились друг на друга, показывая в злобном оскале острые клыки. У волка они были внушительней. Вампир отрастил когти, но по мне — клинок, который мальчишка оставил в ножнах, был бы надежнее. И почему, хотелось бы знать, кровосос его не обнажил?!

Вервольф, чуя слабость противника, снес его на землю одним броском. И тут бы оборотню сбежать, но ненависть взяла свое — он вцепился вампиру в горло. Я даже услышал, как хрустнули позвонки.

Все, медлить нельзя. Отпустить эту тварь — еще хуже, чем наследить перед домом!

Я повернулся к двери, но услышал резкое:

— Даже не думайте, Дюс! Без нашего участия обойдутся! Андру уже стоял рядом со мной.

Со стороны улицы метнулась быстрая тень: к мальчишке подросла помощь. Волк не успел заскулить, как ему снесли башку.

Давно бы так. Сталь намного надежнее когтей и зубов.

Между тем подросел еще один вампир. Упыри деловито подхватили труп оборотня и потащили его прочь со двора. Белобрысый остался лежать. Князь некоторое время молча за ним наблюдал, потом вздохнул и скрылся в глубинах дома.

Неужели так и оставит?

— Дюс, — окликнул меня Лаланн, — все кончено, иди отдыхать. Моя очередь караулить.

На этот раз спорить не стал: мне не терпелось поговорить с князем о смене гостеприимного крова. Что не сделал один лазутчик, успешно закончит следующий. Натоптали во дворе порядочно, и пройди стая по следу пропавшего товарища, нас бы обнаружили. Так что назрела необходимость все же воспользоваться тайным убежищем Андру, о котором он говорил во время скитаний по подземелью Сырта.

Когда я спустился в гостиную, раненый этернус уже лежал на диване. Князь осторожно осматривал повреждения шеи. Клыки вервольфа, раздавив позвонки, словно куриную кость, и разорвав гортань, фактически отделили голову от туловища. Зрелище было не из приятных. Мальчишка лежал неподвижно, только трепыхание век говорило о том, что он еще борется за существование. Человек давно бы умер.

— Конец? — тихо спросил я князя.

Тот чуть качнул головой — да, конец.

— Может... добыю?

К чему мучить парня, если итог один?

Андру затвердел лицом. Думаю, он согласился бы, но судьба решила по-другому — в комнату вбежала проснувшаяся Морра. Увидев любимую «няньку», малышка ускользнула от рук Эрхены и со всех ног бросилась ко мне. Я не успел перехватить девочку, она увидела умирающего.

Не могу сказать, что поведение нашей целительницы меня удивило — она всегда и всех жалела, пыталась помочь — просто оставалась слабая надежда, что вампир Морру все-таки не привлечет.

Я ошибся. В самом деле, раз она не обошла вниманием обо-

ротней, почему упырь должен стать исключением? Вот только вервольфы тогда точно были трупами, а кровосос еще шевелился.

Я подхватил девочку на руки.

— Дюс, — она ткнула пальчиком вниз, скривившись в недовольной гримасе, — лечить! — И попыталась вывернуться.

— Подожди! Может укусить.

Девочка у нас сообразительная — мигом притихла, правда не забыла поинтересоваться:

— А лечить?

— Будем, будем лечить, — вздохнул я и повернулся к князю: — Андру, сделайте так, чтобы ваш подданный ни в коем случае не сдвинулся с места.

Этернус прижал раненого к дивану, лишая возможности двигаться. Я спустил девочку на пол и аккуратно обхватил голову вампира, стараясь не навредить еще больше.

Эдхед то, сказали бы мне месяц тому назад, что я буду жить в одном доме с нежитью и даже спасти одного из них... в жизни бы не поверил! Воистину — чудны дела твои, Ирия...

Морра, получив разрешение, осторожно свела ладонки над раной. Князь не отрывал от нее взгляда. Мне интереснее было наблюдать за Андру: что делает Морра, я видел не раз и не два и даже успел испытать на собственной шкуре. А вот почти детский восторг на лице кровососа показался забавным.

Андру смотрел на малышку, как на самое великое чудо, которое только может существовать в этом мире. В этот момент я наконец поверил — князь не причинит ей зла, уж слишком девочка нужна вампирам.

Между тем маленькая целительница убрала руки, открыв нашим взглядам шею раненого. Гладкая белая плоть, и ни малейшего следа от зубов. Более того, мне показалось, что от кожи исходит жар, словно там не бледная кожа нежити, а тело обычного человека. Буквально через секунду наваждение прошло. А еще через две мальчишка открыл глаза, посмотрел на меня безумным взглядом и стал вырываться.

Забавно... Наверное, решил, что ему собираются голову открутить.

— Морра, отойди! Андру, придержите вашего слугу.

Дождавшись, пока девочка уберется подальше, я разжал руки:

— Остынь, малец, а то довершу начатое блохастыми шавками.

Мальчишка, разглядев, кто его держит, послушно притих.

Андрю некоторое время внимательно смотрел на исцеленного, затем отступил в сторону, освобождая его. Я тут же шагнул, прикрывая малышку.

— Дюс, вы неправы, — отреагировал на мое движение князь. — Я не позволю волосу упасть с ее головы. Она наша надежда.

Исцеленный вампир все это время не отрывал взгляда от своего повелителя и, кажется, сгорал от стыда. Правильно сгорал — опростоволосился парень по полной. Не окажись рядом соплеменников, лазутчик ушел бы живым. По всей видимости, князь разделял мое мнение, потому что недовольно нахмурился. Белобрысый виновато опустил голову, словно его пристыдили, учтиво поклонился и прошептал:

— Простите за причиненное беспокойство.

— Вы свободны, Реми. Подкрепитесь и возвращайтесь домой. Вам необходимо отдохнуть и как следует поразмыслить над... причиной неудачи.

Если бы нежить умела краснеть, парень стал бы румянее яблока. Торопливо развернувшись, бегом рванул выполнять приказ. А князь поморщился, извиняясь за несдержанность подданного:

— Совсем ребенок — еще восемнадцати не исполнилось. Не стоило его с собой брать.

Да уж, солдат, забывший в пылу сражения достать оружие, — это не боевая единица, а добровольная жертва. Зачем, спрашивается, потащили?

Удивившись просчету пронырливого правителя нежити, я отправился спать, отметив мимоходом, как покраснели щеки Эрхены, когда проходил мимо.

«Надо сегодня же расспросить о женихе», — мелькнула последняя мысль, прежде чем я растянулся на кровати и закрыл глаза.

А в следующее мгновение меня затеребили:

— Проснись, Дюс! Он вернулся!

— Кто вернулся? Какого демона?

Спросонья не сразу получилось сообразить, о чем толкует взволнованный Рис.

— Агаи вернулся!